

Денежные доходы Уфимской провинции

**(по данным руководителя Оренбургской экспедиции
1734—1737 гг. И.К.Кирилова)**

Социально-экономическое развитие Уфимской провинции в XVII — в первой трети XVIII веков привлекало внимание многих исследователей и было отражено в коллективных трудах и монографических исследованиях по истории Башкортостана. Основные работы в этом направлении принадлежат Б.А.Азнабаеву, Н.Ф.Демидовой, И.Г.Акманову, Р.Г.Букановой и другим.

В данной статье мы рассмотрим доходы Уфимской провинции 1734—1735 годов по данным начальника Оренбургской экспедиции Ивана Кириловича Кирилова. Для этого необходимо более детально рассмотреть некоторые моменты.

В течение XVII — в первой трети XVIII веков были проведены реформы в системе управления Уфимской провинцией, и в 1728 году правительством Петра II было решено перевести Уфимскую провинцию в ведомство Сената. Более полная инструкция по управлению краем была дана воеводе Уфимской провинции П.И.Бутурлину 5 августа 1728 года. Это, по сути, означало возврат к прежней воеводской системе управления, которая была установлена после строительства города Уфы в 1574 году. Такая уступка со стороны правительства, по мнению Б.А.Азнабаева, «была связана со стратегическими расчетами правительства на юго-восточной границе Российского государства. К решению казахской проблемы нельзя было приступить без нормализации ситуации в Уфимской провинции. Восстановление прав и привилегий башкир позволяло не только успокоить пограничную территорию, но и использовать башкир в качестве дипломатических посредников в приведении казахов в российское подданство»¹.

Основные внешнеполитические задачи Российского правительства в юго-восточном направлении были обозначены в проекте Ивана Кирилова «Нижайшее представление и изъяснение о киргиз-кайцаских ордах», поданном в Сенат в 1734 году².

В проекте более подробно говорилось о выгоде торговли со странами Востока и Средней Азии, были предложены конкретные механизмы по превращению этих территорий в источники сырья для развивающейся русской промышленности и в рынок сбыта товаров³. Данный проект был одобрен правительством, и 1 мая 1734 года последовала инструкция И.Кирилову об организации экспедиции. Так началась реализация нового политического курса на юго-восточной окраине России, именуемая Оренбургской экспедицией. Здесь следует отметить, что

указом Анны Ивановны от 1 мая 1734 года И.К.Кирилову были даны широкие права, ему была подчинена не только Уфимская провинциальная канцелярия, но и весь южноуральский регион.

Успех в реализации намеченных планов зависел в значительной мере от своевременного финансирования и снабжения продовольствием. Так, в 1734 году авансом было выдано жалованье И.К.Кирилову в размере 3000 рублей и А.И.Тевкелеву — в размере 1000 рублей⁴. По данным Р.Г.Букановой, всего за 1734 год для Оренбургской экспедиции было выдано из Штатс-Канторы 1600 рублей, из доходов Казанской губернии — 4228 рублей 95 копеек, «комиссариатской суммы» на покупку лошадей — 9999 рублей 40 копеек. Таким образом, из государственного бюджета было направлено в 1734 году — 15828 рублей 35 копеек⁵.

Однако, как полагал Кирилов, эти средства были незначительными для подобной Экспедиции и он искал возможность использовать средства из местного бюджета. По его мнению, первоначально следовало направить на обеспечение Экспедиции денежные средства от дополнительных доходов Уфимской провинции (свыше 12 тысяч рублей). Эта сумма создавалась от сбора налога с проводимых башкирских съездов. Указом Анны Ивановны от 1 мая 1734 года было подтверждено: «Уфимских прибыльных доходов, кои собираются сверх прежнего оклада, никуда не отсылать, а употреблять для сей экспедиции»⁶.

Следует отметить, что до 30-х годов XVIII века правительство не изменяло традиционную систему налогообложения. Башкиры осуществляли выплаты по ясачным книгам, в которых были записаны только ответственные за уплату от тех или иных башкирских волостей или деревень. Эти книги не давали полного сведения ни о численности самих башкир, ни о численности их припущенников. Среди последних были и безземельные башкиры, а также беглые крестьяне из числа татар, чувашей, марийцев, русских, которые были записаны в подушный оклад на местах прежнего жительства. На территории края они селились на льготных условиях, взяв на себя часть государственных повинностей башкир-землевладельцев⁷. Накануне приезда Оренбургской экспедиции в Уфу в четырех дворцовых волостях насчитывалось около 30 деревень и несколько сёл. В них проживало 3472 души мужского пола крестьян: в Дуванейской волости — 512 человек, Бирской — 895, Каракулинской — 1857, Богородской — 208 человек⁸. В 1718 году общее количество помещичьих крестьян в Уфимском уезде составляло всего 687 душ мужского пола. В 20-х годах XVIII века в Уфимской провинции на бобыльском и теплярском ясаках находилось 2239 дворов с 5783 душами мужского пола. Из них почти 70 процентов жили в пределах Осинской и Казанской дорог. Например, в 1722 году в Уфимской провинции среди бобылей татар было 2467 душ мужского пола, марийцев — 2339, чувашей — 481, удмуртов — 434, мордвы — 9 душ мужского пола и т.д. Башкир, составляющих коренное население края, насчитывалось 260 тысяч человек⁹. По данным И.Г.Акманова, в 20-х годах XVIII века в Уфе проживало 5723 человека обоего пола, в том числе 1146 служилых людей, а в остальных крепостях Уфимской провинции насчитывалось 3239 служилых людей¹⁰.

В первой трети XVIII века численность припущенников среди башкир быстро возросла, отчего государство несло двойной урон: с одной стороны, оно теряло своих налогоплательщиков во внутренних уездах, с другой — за счет увеличения численности населения в башкирских вотчинах снижался размер реального ясака. Первая перепись в Башкортостане охватила только русских дворцовых крестьян и служилое население городов-крепостей. Башкиры переписью не были учтены, поэтому подушное обложение на них не распространилось. Возникло много нерешенных вопросов в системе финансов. По просьбе самих башкир 5 июня 1734 года был издан указ Сената о пересмотре ясачного оклада. Раньше числилось 6188 ясачных вотчинников-башкир и 8355 ясачных дворов тептярей и бобылей. После пересмотра оклада было обнаружено 1096 человек новых плательщиков-башкир и 3847 дворов тептярей и бобылей, не обложенных ясаком. Соответственно, увеличилась и сумма ясачного оклада. Общая сумма ясачного оклада с 1734 года составила 10560 рублей 86,75 копеек ежегодно¹¹.

Кроме прямых налогов, в Башкирии в начале XVIII века имелось значительное количество косвенных. По ведомости Камер-коллегии Н.Ф.Демидова подсчитала 13 видов косвенного налога¹².

По табели 1724 года в России так называемых «канцелярских сборов» было свыше 40. Они состояли из нескольких групп:

1) промыслово-подоходные налоги (с квасных и укусных промыслов, с воскобоен, с кожевенных, мыльных, свечных, солеваренных промыслов, кузниц, с торговых бань и бань разночинцев и т.д.);

2) оброчные сборы, или статьи (с прорубей и водопоя, оброчных земель и покосов, рыбных ловель, постоянных дворов, лавок, шалашей, торговых бань, кузниц, клеймения серебра и т.д.);

3) пошлины с заключения сделок, подачи исковых челобитен и тому подобных актов, со свадеб (куничные и выводные), с вечных памятей и др.

В 1724 году доход государства по этим статьям составил следующие суммы: промыслово-подоходные налоги — 254782 рубля; оброки и откупы государственных имуществ — 219780 рублей; пошлины — 150065 рублей¹³. В 1731 году Сенат предложил отменить некоторые «канцелярские сборы» и сократить их до 12. Однако такая позиция Сената не встретила поддержки у Кабинета министров по чисто фискальным соображениям. Данная часть доходов требовала постоянной проверки со стороны государства.

После приезда в Уфу И.Кирилов подвергает сомнению бюджет Уфимской провинции и начинает проверку доходов. В своем доношении в Сенат от 1 марта 1735 года пишет: «между теми зборами об одном, таможенном доношу, что ево во всей провинции оклад 2809 рублей 82 копеек, а самим делом гораздо меньше собирается, на что жалко смотреть. По такой обширности и людству, и великим в уезде бываемым торгам надлежало было 10 или более тысяч»¹⁴.

Далее мы рассмотрим найденный нами в РГАДА документ, который представляет отчет о ревизии Уфимских прибыльных доходов.

**Денежные доходы Уфимской провинции в 1734 году
(кроме подушной подати с крестьян)**

Табель об окладах денежных доходов Уфинской провинции				
	По окладной камор-коллежской кн[и]ге		Н[ы]не действительного	
	р[убли]	ко[пейки]	р[убли]	ко[пейки]
Таможенных	2721	83	2089	82
Вместо Санкт-Петербургской пошлины	272	18	208	98 ½
Кабацких	3510	48	3510	48
Прибавочных на горячее вино по 10 ко[п.] на ведро	184	87	184	87 ½
Табашных, корчемного и штрафных	348	90	отданы в волную торговлю	—
С клейменя хомутов	12	—	2	—
С перевозов	165	30	180	65 31/81
Конских пошлин	820	60	843	76 ¼
С ледоколу и водопою	12	11	12	11
С найму извозчиков десятой доли	35	63	24	44 ½
Вместо валешных и подъемных	30	19	21	42 ½
С рыбных ловель	330	78	392	58 ¼
С мельниц	544	50	262	31 5/6
С лавок, с полков, с кузниц и с харчевен	50	22	34	22
С клеменя кубов	1	—	31	75
С башкирцов ясашных	6726	50	6726	50
С свадеб куничных и выводных	9	49	9	49
С челобитчиковых дел пошлин	341	1	341	1
С крепостей пошлин	88	61	88	61
С домовых бань	88	85	88	—
С купечества подушных в артиллерию	220	80	220	80
Итого	17515	86 ¼	15273	65 ¾ 1/16

*Стацкой советник Иван Кирилов
РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.*

Рассматривая вопрос о таможенных сборах с башкир, Н.Ф.Демидова отмечает, что еще в 1618 году по распоряжению уфимского воеводы Г.В.Хлопова стали взиматься таможенные пошлины с торговли башкир Балакчинской и других волостей с русскими людьми на р.Ирене медом и воском, причем было решено брать с башкир и татар по 1 алтыну с батмана, а с русских — по грошу с рубля. Попытка распространения его на все торговые сделки башкир вызвало массовое сопротивление, в результате указом от 20 декабря 1674 года сбор таможенных пошлин с башкир был отменен. Таким образом, башкирским старшинам удалось сохранить право беспошлинной продажи товаров на внешнем рынке. Однако внутренняя торговля не избежала обложения таможенным сбором. Сбор таможенных пошлин с так называемой «домовой продажи» являлся видной статьей государственного

дохода в Башкирии. Для его организации создавались специальные таможи, иногда передвижные — «кочующие», которые существовали до 1737 года¹⁵. По башкирским деревням стали разъезжать таможенники-целовальники, причиняя местному населению дополнительные после ясачных сборщиков убытки. В 1728 году башкиры Яркей Янчурин «с товарищи» писали в челобитной: «Конские и табашные целовальники к нам, башкирцам, по всем дорогам ездить немалое число, а каждый целовальник имеет при себе человек по 5-ти, берут у нас подводы, тако же и пищу, гусей, уток и рыбу, пива и меду берут насильно. ...А ежели мы продадим товару, лисиц, куниц, волков, лошадей и протчей скотины, то оные целовальники пошлины не спрашивают, а как приедут вторично, того человека штрафуют, якобы он утаил; пошлины берут рублей по 10-ти и по 20-ти, такими несносными налогами нас разоряют. А прежде сего конские и табашные целовальники по уездам не езживали»¹⁶. Это признавали сами чиновники. В 1734 году В.Н.Татищев писал, что «повсягдно здесь посылаются от воевод толмачи или целовальники для сбора по деревням пошлин с продаж скота и прочего, что башкиры между собой друг другу и проезжающим продают. Но понеже целовальники большею частью, на то накупаяся у воевод, посылаемы, того ради, ездя, чинять виликие убытки...»¹⁷. Такого же мнения придерживался начальник Оренбургской экспедиции И.К.Кирилов. В 1735 году в донесении он писал, что «целовальники»...ездят на татарских подводах со многим грабительством»¹⁸.

Позже были установлены постоянные таможи. Наиболее постоянными из них были Варзинская и Талламанская на Казанской дороге, Уранская — на Осинской и Бакинская — на Сибирской. В 1723 году на них лежал следующий оклад: на Варзинской — 124 рубля 37 копеек, на Талламанской — 184 рубля 51 копейка; на Уранской — 111 рублей 95 копеек и на Бакинской — 89 рублей 37 копеек¹⁹. В доношении от 1 марта 1735 года И.Кирилов подвергает сомнению сумму 2089 рублей 82 копейки, собранные в Уфимской провинции, однако в таблице указывается та же сумма, если не учесть 82 копейки.

Вторая статья доходов («Вместо Санкт-Петербургской пошлины») в размере 272 рубля 98 копеек, предполагается для хозяйственных нужд города Санкт-Петербурга.

Наиболее значимым был кабацкий сбор. По данным Б.А.Азнабаева, в Уфимском уезде в 1680 году отдавались на откуп три кабака: Уфимский — за 123, Шугуровский — за 84 и Пьяноборский — за 64 рубля. Итого сумма составляет 271 рубль. Автор предполагает, что суммы были многократно занижены. Мы не располагаем данными относительно начала XVIII века, но таблица И.К.Кирилова указывает довольно внушительную сумму в 3510 рублей 48 копеек²⁰. Дело в том, что по указу от 9 февраля 1710 года никому не разрешалось «сидеть» вино дома, а предлагалось покупать его из казенных кабаков. Однако вскоре указом Петра I от 28 января 1716 года было вновь разрешено дворянам курить вино, но с условием, что они будут клеймить кубы и казаны «кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить, и те кубы и казаны привозить им в города к губернаторам, а в уездах — к лантратам, и оные, осмотря, измеряв их верно осмивершковое ведро (во сколько в какой будет

ведра), заклеить. И, заклеив, положить на них с той ведерной меры сбор: со всякого ведра (хотя где не дойдет или перейдет, то с пального числа) — по полуполтине в год»²¹. Мы можем предположить, что в Уфимской провинции вино продавали через кабаки, или подпольно производили не регистрируя кубы, так как доход «с клейменья кубов» составил всего лишь 31 рубль 75 копеек, а «прибавочных на горячее вино по 10 копеек» приносил доход в размере 184 рубля 87 $\frac{1}{3}$ копеек²². Как известно, правительство пыталось вести борьбу с контрабандной торговлей вином. Например, в 1752—1753 годах было поймано 11939 человек, незаконно торговавших вином²³. Вполне вероятно, тоже самое происходило в Уфимской провинции.

Следующей наиболее проблемной пошлиной был сбор конских пошлин (сбор от торговли лошадьми). Как отмечает Н.Ф.Демидова, царская администрация не раз пыталась распространить на башкир сбор конских пошлин, хотя грамотой 1674 года было отмечено об отмене сбора таможенных пошлин с башкир. Несмотря на запрет, откупщики продолжали ее собирать, ссылаясь на то, что в указах о лошадях не упомянуто. Так же произвольно толковалась грамота от 28 сентября 1695 года, по которой сбор конских пошлин в Уфимском уезде разрешался только на ярмарках. В итоге сбор с Уфимской конской площади составлял в 20-х годах 951 рубль 30 копеек, в уезде же собиралось только немногим меньше — 699 рублей 90 копеек²⁴. И.К.Кирилов же приводит абсолютно другие цифры. По его данным, в окладной книге указана сумма 1820 рублей 60 копеек, а ныне, пишет он, конский сбор составляет 843 рубля 76 копеек. Трудно дать объяснения такому разрыву в сумме. Можем предположить, что сумма 1820 рублей 60 копеек — это доход всей провинции, а 843 рубля 76 копеек — лишь с Уфимской конской площади.

В этот период существовал сбор с продажи табака. По окладной табели 1724 года сбор от продажи табака был определен в размере 42391 рубль 6 копеек. В 1727 году в связи с общим курсом правительства на развитие свободы торговли, продажа табака была объявлена вольной. Данный вид торговли облагалась пошлиной в размере 1 копейка с фунта, с украинского табака было велено брать по 12 копеек с пуда.

Свободная торговля табаком привела к резкому сокращению прибыли казны. В 1728 году сбор пошлин с продажи табака равнялся 16722 рублям 55 копейкам, в 1734 году — 3152 рублям 68 копейкам. По неполным сведениям Сената, сбор пошлин от торговли табаком с 1728 по 1736 годы составил 54116 рублей 96 копеек (до объявления свободного торгова табаком доход казны от его продажи колебался от 22405 рублей до 33 тысяч в год)²⁵. В Уфимской провинции до 1726 года табачная торговля находилась на откупе у крестьянина Строганова — с. Белопашенцова, платившего за это в казну по 846 рублей 24 копейки в год. О злоупотреблениях Строганова в правительство сообщил Г.В.Генин, после чего табачная торговля перешла во введение государства.

Как указывают исследователи, частые споры возникали относительно размеров оброчных сборов с рыбной ловли в реках и озерах. Причиной споров являлось то, что башкирские феодалы не в состоянии были соперничать с рус-

скими дворянами, перекупавшими оброчные угодья из наддачи. Так, например, систематически перекупались рыбные ловли по Каме и Белой, которыми первоначально пользовались башкиры, платя оброк 302 рубля 23 алтына 2 ден²⁶. Доход от сборов с рыбных ловель в реках и озерах по окладной книге Камер-коллегии устанавливался в размере 330 рублей 78 копеек, а ныне этот сбор, как пишет И.Кирилов, составляет 392 рубля 58 $\frac{7}{8}$ копеек, это на 62 рубля больше²⁷.

Если обратить внимание на таблицу, видно, что немалую сумму взимали с мельниц. К сожалению, мы не располагаем достоверной информацией о количестве мельниц в Уфимской провинции в первой трети XVIII века. Известно, что в середине XVIII века в окрестностях Уфы находились 3 казенные мельницы, в самой Уфе — 6 частных. В селе Каракулине и его окрестностях — 31²⁸. Если до 1734 года мельницы приносили доход в сумме 544 рубля 50 копеек, то в 1734 году — 262 рубля 31 $\frac{5}{6}$ копеек²⁹.

Некоторые сборы вызывали недовольство не только со стороны плательщиков, но и Сената. 9 апреля 1731 года Сенат составил доклад, в котором подробно мотивировал необходимость ликвидации устаревших сборов. С постоянных дворов, которые положены в подушный оклад, с бань, с найма извозчиков, так как он «весь с подлого крестьянства, кои на платеж подушной таким своим наймом деньги получают, и они сверх того, когда записи наемные пишут, платят крепостные пошрины». Однако такая позиция Сената не встретила поддержки у Кабинета министров³⁰.

По окладной книге Камер-коллегии, доход от «челобитчиковых дел пошлин» составлял 341 рубль 1 копейку, «с крепостных пошлин» — 88 рублей 61 копейку³¹. В Уфе с домовых бань взималось 88 рублей, с купечества для нужд артиллерии — 220 рублей 80 копеек³².

Малодоходной частью бюджета Уфимской провинции являлись: сбор «с лавок, с полков, с кузниц и с харчевень» — по окладной книге Камер-коллегии доход составил 50 рублей 22 копейки, а в действительности 34 рубля 22 копейки, куничный сбор «с иноверческих свадеб» всего лишь 9 рублей 49 копеек, «с найму извозчиков десятой доли» — 24 рубля 44 $\frac{1}{8}$, «с ледаколу и водопою» — 12 рублей 11 копеек³³. Последний сбор был проблемным, по свидетельству И.К.Кирилова, он заставлял башкир избегать посещения Уфы, так как сборщики «хотя бы кто на час в город въехал, хватая по рынку, а не водопою, требовали его уплаты, а при том оных бивали»³⁴.

Таким образом, доход Уфимской провинции с учетом башкирских ясашных денег составил 15273 рубля 65 $\frac{3}{8}$ 1\16 копеек, эта сумма меньше на 2242 рубля 3 копейки, которая указана в окладной книге Камер-коллегии (17515 рублей 86 $\frac{1}{3}$ копеек).

Руководитель Оренбургской экспедиции И.К.Кирилов, изучив состояние финансов Уфимской провинции, пытался не только найти дополнительные доходы для Экспедиции, но и пресекать злоупотребление властей, тем самым завоевать расположение местного населения. Составленный И.К.Кириловым «Табель об окладах денежных доходов Уфимской провинции» дает более точное представление о доходах Уфимской провинции, а также о финансовой политике Российского государства в первой трети XVIII века.

Примечания

¹ *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.). — Уфа, БашГУ, 2005. С.180.

² Материалы по истории России. Т.1. — Оренбург, 1900. (Составитель А.И. Добросмыслов). С.3—49.

³ *Акманов И.Г.* Из истории Оренбургской экспедиции (Характеристика «Проекта» И.К.Кирилова)//Очерки истории дореволюционной России. — Уфа, 1972. С.90—106.

⁴ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.135. Л.50.

⁵ *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. — Уфа, 1997. С.160.

⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.3. Д.140. Л.530.

⁷ *Рахматуллин У.Х.* Крестьянское заселение Башкирии в XVI—XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XXII — начале XX вв. — Уфа, 1981. С.28—29.

⁸ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Отв. ред. Х.Ф.Усманов. — Уфа, 1996. С.186.

⁹ Там же. С.187.

¹⁰ *Акманов И.Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII в. — Уфа, 1981. С.9.

¹¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1, часть первая. — Уфа, 1956. С.140.

¹² *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. — М, 1961. С.223.

¹³ *Троицкий С.М.* Финансовая политика Русского абсолютизма в XVIII веке. — М, 1966. С.155. Так же. *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Издание второе. — СПб, 1905. С.652.

¹⁴ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в./ Авт.-сост. Н.Ф.Демидова. Т. VI. — Уфа, 2002. С.23.

¹⁵ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. — М, 1961. С.223.

¹⁶ *Рахматуллин У.Х.* Повинности башкир в XVII — первой половине XVIII в. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX вв. — Уфа, 1981. С.35.

¹⁷ Там же. С.36.

¹⁸ *Акманов И.Г.* Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735—1740 годов. // Очерки истории дореволюционной России. Выпуск II. — Уфа, 1975. С.113.

¹⁹ *Азнабаев Б.А.* Указ.соч. С.128.

²⁰ РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.

²¹ Законодательство Петра I. — М, 1997. С.644.

²² Там же.

²³ *Троицкий С.М.* Указ. соч. С.154.

²⁴ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. — М, 1961. С.224.

²⁵ *Троицкий С.М.* Финансовая политика Русского абсолютизма в XVIII веке. — М, 1966. С.174.

²⁶ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. — М, 1961. С.224.

²⁷ РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.

²⁸ *Демидова Н.Ф.* Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. — Уфа, 1958. С.35.

²⁹ РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.

³⁰ *Троицкий С.М.* Финансовая политика Русского абсолютизма в XVIII веке. — М, 1966. С.195.

³¹ РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.

³² Там же. Л.370.

³³ РГАДА. Ф.248. Д.750. Л.370.

³⁴ *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. Т.68. — М, 1961. С.225.